

83.312-411.216

B27

CA-387306

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941-1945

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

**ВЕЛИКАЯ
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА
1941–1945 гг.**

**ЛИТЕРАТУРА
И
ИСТОРИЯ**

✓
МОСКВА

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

са-384306

Н.М. ЩЕДРИНА

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ СОЛДАТА НА ВОЙНЕ В РОМАНЕ В.П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»

Аннотация: В статье рассматриваются художественное изображение солдата на войне в дилогии В.П. Астафьева «Прокляты и убиты», принципиально новое видение писателем трагических страниц русской истории. Вопросы о цене победы в Великой Отечественной войне и о «невозвращении» с военной страды, выраженные в позиции автора-повествователя, определили трагический пафос произведения, заключающийся в противоестественности войны для всего человечества. Индивидуальные судьбы солдат, его мощный публицистический пласт составляют основу композиции романа.

Ключевые слова: В.П. Астафьев, дилогия «Прокляты и убиты», А. Солженицын, Великая Отечественная война, победа, трагическое, автор-повествователь.

Виктор Петрович Астафьев — фигура знаковая в военной прозе. В его дилогии «Прокляты и убиты» отразилось принципиально новое видение трагических страниц российской истории, которое привело к пересмотру сложившихся отношений личности и системы, к глубокому осмыслению процессов давления времени на человеческое сознание, где прослеживается судьба не только народа-победителя, но и народа-жертвы. Писатель утверждал, что «война сочиненная затмила войну истинную», обвиняя в этом коммунистическую систему — «основного поставщика и сочинителя неправды о прошлом»¹. В его дилогии «Прокляты и убиты» отразилось принципиально новое видение трагических страниц российской истории, которое привело к пересмотру сложившихся отношений личности и системы, к глубокому осмыслению процессов давления времени на человеческое сознание, где прослеживается судьба не только народа-победителя, но и народа-жертвы.

О романе «Прокляты и убиты» было высказано множество суждений, зачастую эмоционального характера. В. Курбатов отмечал, что

тема войны в астафьевском творчестве после выхода книги обсуждалась «сбивчиво и резко противоположно — от премии “Триумф” <...> до болезненного и злого неприятия»². «Настойчивым правдолюбцем» назвал Александр Солженицын Виктора Астафьева в телеграмме соболезнования, посланной 29 ноября 2001 г., а в «Литературной коллекции» (из архива писателя) еще добавил: Астафьев «из самой гущи народа», «уцелевший в военной мясорубке», а потом «затяжно молчавший» о ней, ибо был он «*переполнен* всем пережитым настолько неисчерпаемо, что должен был испытывать человеческое бессилие выразить всю эту за-человечность»³ (выделено А. Солженицыным).

Самый сложный и полемический роман В. Астафьева «Прокляты и убиты» Солженицыным назван «книгой уникальной», а автор «черным работником войны», который, воюя, «и не думал, что писателем станет, а когда стал, то еще 30 лет молчал о войне — потому что правды написать о войне было нельзя. И дождался такой возможности только к своим 70 годам»⁴. Солженицын считал, что астафьевская правда «выступила столь невозможной к привычному понятию, что общественности оставалось лучше ... не слишком заметить ее — либо неубедительно громить как клевету»⁵.

Причина разных оценок «Проклятых и убитых» лежала в небывалом трагическом пафосе, заложенном в романе. Предопределил трагический пафос произведения и вопрос о цене победы, так волновавший писателя все послевоенные годы. Осмысливая итоги войны, Астафьев многократно, настойчиво и с великой болью напоминал о цене победы, о недопустимости цены, которую народ заплатил за нее (завалили врага трупам, залили его своей кровью), и цене, которую он продолжает платить в условиях уже мирной жизни⁶. Прозаик делал акцент на том, что надо писать о войне так, чтобы «ни у кого не возникало желания больше воевать, отучать надо от войны. Воспевание подвигов, геройства и мужества — это провокация! Провокация на продолжение агрессивного начала в человеке»⁷.

Впервые вопрос о цене победы приобрел значение вызова существовавшей ранее литературе о войне. Писатель, переосмысливая прошлое, искал ответы на «вечные» вопросы. Астафьевский трагизм вызревал и в предыдущих его книгах, не связанных с войной (роман «Печальный детектив», рассказ «Людочка» и др.), а в «Проклятых и убитых» «нарастающий и усиливающийся <...> перерос в апока-

липсис», что привело к «универсализации трагизма (пантрагическому)»⁸ — составляющей его авторской концепции.

Исследователи не раз отмечали, что поздние произведения писателя отличаются особым накалом, частым, открытым вторжением автора в текст, яркой публицистичностью⁹ и эмоциональностью повествования. В главах «Последнего поклона», написанных в 1992 г., освещающих хаос современной действительности, возрастает роль итоговых сентенций, авторской тревоги и поиска причин выхода из кризиса (гл. «Вечерние раздумья»).

То же мы видим и в «Печальном детективе», о котором сам Астафьев говорил в письме В. Курбатову: «Вещь странная, самому мне непонятная, зачем и что я написал — сам не знаю»¹⁰. А в рассказе «Людочка» он не только обличает зло, но и ощущает свою метафизическую вину за судьбу героини, за само существование зла.

Послевоенное невнимание власти к судьбам солдат-победителей, лицемерие официозных литературных деятелей, выход на общественную арену «новых русских» — все то, что не могло не волновать писателя и выплеснулось на страницы повестей и рассказов «Обертон», «Веселый солдат», «Так хочется жить», «Пролетный гусь».

«Прокляты и убиты» дописывались в годы перестройки. И Астафьев через автора-повествователя активно «внедряет» свою точку зрения не только на Великую Отечественную войну, но и на всю российскую историю в целом, в том числе на современную социально-нравственную смуту.

В Астафьеве-писателе было бесценное качество — стремление передать «внутреннюю правду»¹¹. По словам В.Я. Курбатова, война «не отпустила его» до конца жизни, а «сердце пыталось осознать трагедию»¹². При вручении премии Солженицына критик и друг писателя процитировал слова Астафьева о нестерпимом, не покидавшем автора чувстве: «с войны вообще нельзя вернуться»¹³.

Мысль о «невозвращении» с военной страды звучала и раньше, еще в «Оде русскому огороду»: «Память моя, сотвори еще раз чудо, сними с души тревогу, тупой гнет усталости, пробудившей угрюмость и отравляющую сладость одиночества. И воскреси — слышишь? — воскреси во мне мальчика, дай успокоиться и очиститься возле него. Ну, хочешь, я, безбожник, именем господним заклинять тебя стану, как однажды, оглушенный и ослепленный войною, молил поднять

меня со дна мертвых пучин и хоть что-нибудь найти в темном и омертвелом нутре?»¹⁴.

Говоря об особенностях прозы Астафьева о войне, исследователи подчеркивают, что главное в произведениях — осмысление трагической участи солдата, бывшего фронтовика. «Трудно мне писать о войне, — говорил писатель в момент работы над «Проклятыми и убитыми», — хотя “во мне” книга о войне, о “моей войне”, идет и идет своим ходом, не умолкая, не оставляя меня и мою память в покое»¹⁵.

В основе романной фабулы «Проклятых и убитых» лежит ситуация войны, разрушения мира. В первой книге изображено испытание новобранцев на гуманность в условиях «своего» мира «чертовой ямы» — (землянки, «подземельной» казармы), пребывание в которой сродни пещерной жизни. Оно превращает человека в зверя, недаром мотив «поедания» друг друга уже заложен в эпиграфе романа. Отсюда исходят и голод, и холод, поиск еды — все человеческие муки.

Во второй книге изображена битва за Днепр, переправа как вселенская катастрофа, в метафорическом смысле как переход границы от жизни к смерти.

Точка зрения Астафьева-солдата на войну находится в центре романа «Прокляты и убиты». Вся народная трагедия отразилась в судьбах солдат, запечатленных в романе. Новобранцы 21 полка, призывники 1924 г. рождения только успели вступить в пору юности. В начале «Проклятых и убитых» среди всех новобранцев, ехавших к месту назначения, выделен автобиографический герой Лешка Шестаков. А уже в четвертой главе романа обозначено место нахождения подразделения, где происходят события первой книги «Чертова яма» — станция *Бердск и 21 полк*, который доукомплектовывался прибывшими из Казахстана призывниками. В «Автобиографии» Астафьев называет то же место. После окончания в 1942 г. железнодорожной школы проработал он по распределению на пригородной станции Базаиха составителем поездов, оттуда добровольцем ушел на фронт, «угодил ... в 21 стрелковый полк, располагавшийся под Бердском возле Новосибирска» <курсив мой. — Н.Щ.>¹⁶.

С самого начала романа и до конца писатель не упускает из виду своего героя, делая его свидетелем и участником всего происходящего, одновременно героем-наблюдателем, задача которого сохранить память о войне. Свои самые глубокие внутренние переживания и

свой личный военный опыт автор воплотил в этом герое. Ему отведена в романе особая связующая роль между различными типами солдат.

Лешка Шестаков сразу же ощутил в «чертовой яме» растворение в общем пространстве, пишет Астафьев: «Сам по себе он уже ничего не значит, себе не принадлежит, <...> есть буря, есть поток, в которые он вовлечен, и шагать ему, и петь, и воевать, может, и умереть на фронте придется вместе с этой все захлестнувшей усталой массой, изрыгающей песню-заклинание, призывающей на смертный бой одной мощной грудью страны» (10).

Боец осознает свою «малость», неспособность противостоять исторической мощи момента, в который он погружен, понимает, что «только строем, только рекой, половодьем возможно прорваться к краю света, к какой-то совсем иной жизни, ... ради которой веки вечные жертвовали собой и умирали люди по всей большой земле» (10).

Затем писатель-психолог, наблюдая за переменами в своем герое, говорит о том, что Лешкой Шестаковым овладела «покорность судьбе», «вялое согласие со всем происходящим» (10). С психологической точки зрения утрата своего «я» ради спасения Родины придает внутреннему противостоянию особую роль. Но верх берет «дыхание настойчивой жизни» (8), которое всеми силами призывало «несогласие с омертвелым покоем, сковавшим Божий мир» (8). Сердца новобранцев стискивали «безвестность, недобрые предчувствия и этот вот хриплый ор под грохот мерзлой солдатской обуви» (9).

Писатель в ретроспективном повествовании дает отдельным штрихом семью Лешки Шестакова, мало чем отличающуюся от других семей того времени. Отец Лешки был из ссыльных спецпереселенцев, «большой, угрюмый мужик, из хлебороба переквалифицировавшийся в рыбака» (179). «Как и многие спецпереселенцы, потерявшие место свое на земле, детей, жен, борясь со своей губительной отсталостью, неистребимой тягой к земле, к крестьянскому двору, к труду, имеющему смысл» (179), старший Шестаков, насильно оторванный от земли, не прожил свою жизнь достойно и счастливо, и сама внезапная, преждевременная гибель явилась логическим завершением горемычной судьбы. На войне Лешка с огромной теплотой вспоминал отца: «Что унес в своей скрытной душе отец — вызов, бунт, непокорность или так никому и не высказанную доброту?» (181). Сущест-

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
--------------------------	---

I.

АНТИФАШИСТСКАЯ ТЕМА В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

О.В. Быстрова

«БУДЕМ НА СТРАЖЕ»: М. ГОРЬКИЙ О ФАШИЗМЕ	13
---	----

В.Н. Терёхина

«И ПЕСНЯ, И СТИХ — ЭТО БОМБА И ЗНАМЯ...»: МАЯКОВСКИЙ В АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЕ	24
---	----

Г.Н. Воронцова

ВСЕСЛАВЯНСКИЙ КОМИТЕТ И А.Н. ТОЛСТОЙ	39
--	----

II.

ОРУЖИЕМ СЛОВА: ЛИТЕРАТУРА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Н.И. Шубникова-Гусева

ПОЭЗИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	61
---	----

В.Н. Дядичев

ТАНК «ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ»	78
--------------------------------------	----

Н.В. Михаленко

ТРАДИЦИИ ПЛАКАТОВ МАЯКОВСКОГО В «ОКНАХ ТАСС»	91
---	----

О.А. Новикова

«ЭТО МОЙ ПОДВИГ НА ВОЙНЕ...»: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОЭМЫ А.Т. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН».	104
--	-----

<i>Е.Р. Арензон</i>	ВОЙНА ИЛЫИ ЭРЕНБУРГА	116
<i>Ю.Б. Орлицкий</i>	ВЕРЛИБР ФРОНТОВОГО ПОКОЛЕНИЯ.	129
<i>Л.И. Щелокова</i>	КОНЦЕПТ «РОДИНА» В ПУБЛИЦИСТИКЕ 1941–1945 гг. . .	156
<i>А.Д. Новиков</i>	ТЕМА ОККУПАЦИИ В ВОЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ ВАСИЛИЯ ШКВАРКИНА	168
<i>О.В. Быстрова, А.А. Кутейникова</i>	«ПИСАТЕЛИ НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»: ПРОЕКТ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО РАН	178

III. ПОИСКИ ПРАВДЫ В ЛИТЕРАТУРЕ О ВОЙНЕ

<i>Н.В. Корниенко</i>	ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ А. ПЛАТОНОВА: ИСТОРИЯ ВОСПРИЯТИЯ	189
<i>С.Р. Федякин</i>	КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В «ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ ПРОЗЕ» (К. ВОРОБЬЕВ, В. КУРОЧКИН).	223
<i>Н.М. Щедрина</i>	ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ СОЛДАТА НА ВОЙНЕ В РОМАНЕ В.П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ».	235
<i>С.А. Васильев</i>	О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДЕ ВОЕННОЙ ПРОЗЫ (М.А. ШОЛОХОВ, В.П. АСТАФЬЕВ, Г.Н. ВЛАДИМОВ)	253
<i>Е.В. Дьячкова</i>	ВОЙНА И ДЕТИ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ А. ПЛАТОНОВА, В. КАТАЕВА, В. БОГОМОЛОВА)	264

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48